

Торговые взаимодействия КНР с российским рынком: проблемы интенсификации

© Изотов Д.А.^а, 2023

^а Институт экономических исследований
ДВО РАН, Хабаровск, Россия
ORCID: 0000-0001-9199-6226; izotov@ecrin.ru

Резюме. В условиях санкционной политики Запада в отношении России КНР становится для России важнейшим торговым партнером. Отталкиваясь от текущих условий, можно предположить, что в перспективе возможно изменение товарных потоков из КНР в Россию за счет возрастания роли китайских компаний регионального уровня и приграничных регионов, а также расширения сухопутных транспортных маршрутов. В свою очередь, поставки товаров из России на китайский рынок будут определяться расширением импорта российских товаров, притоком китайских инвестиций в совместные проекты на российской территории, увеличением доли расчетов в национальных валютах. На ближайшую перспективу один из способов для наращивания поставок России в КНР – активное освоение российским бизнесом китайского регионального рынка. Возможности российского включения в процесс торгово-экономического сближения с КНР могут быть увязаны с целями России по развитию Дальнего Востока.

Ключевые слова: КНР, Россия, пандемия, санкции, интеграция, регион, торговля

Для цитирования: Изотов Д.А. (Хабаровск). Торговые взаимодействия КНР с российским рынком: проблемы интенсификации. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 10. С. 5–14. DOI: 10.31857/S032150750028103-5

Trade Interactions between China and Russia: Problems of Intensification

© Dmitry A. Izotov^a, 2023

^a Economic Research Institute, Far Eastern Branch,
Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russia
ORCID: 0000-0001-9199-6226; izotov@ecrin.ru

Abstract. China is becoming the most important trading partner for Russia, especially in the face of sanctions against the Russian economy. The article shows that, based on the current conditions, in the near future, it is possible to change the flow of goods from China to Russia due to the increasing role of Chinese companies at the regional level and border provinces, as well as the expansion of overland transport routes and the reduction of tariff barriers. In turn, the import of goods from Russia to China will be determined by the expansion of deliveries of Russian goods, the increasing of Chinese investments in joint projects on Russian territory, and an increase in the share of settlements in national currencies. One of the ways to increase Russian supplies to China is the active penetration of Russian firms into the markets of Chinese regions. The possibility of Russian involvement in the process of trade and economic cooperation with China can be linked to the goals of developing the economy of the Russian Far East.

Keywords: China, Russia, pandemic, sanctions, integration, region, trade

For citation: Izotov D.A. (Khabarovsk). Trade Interactions between China and Russia: Problems of Intensification. *Asia and Africa today*. 2023. № 10. Pp. 5–14. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750028103-5

ВВЕДЕНИЕ

Стратегия интенсификации российской внешней политики на азиатско-тихоокеанском направлении получила название «поворот России на Восток» [1] и основывается на рациональной диверсификации экономических связей [2; 3], одним из главных направлений которых становится Китай. В свою оче-

редь, китайские компании рассматривают Россию как источник для диверсификации поставок сырьевой продукции и рынок для расширения сбыта своих товаров.

В последние годы расширение российско-китайских торгово-экономических взаимодействий сдерживалось ограничениями в период пандемии *COVID-19*. В условиях санкций против России со стороны Запада взаимодействие с Китаем становится все более значимым для поддержания российской экономики. По итогам 2022 г. Китай стал главным торговым партнером для России.

Потенциал дальнейшей интенсификации двусторонних взаимодействий определяется не только уровнем структурной взаимодополняемости экономик, но и расширением сотрудничества с КНР на региональном уровне.

Цель настоящего исследования (охватывает 2015–2022 гг.) – анализ динамики торговых взаимодействий китайских регионов с Россией, а также определение направлений для интенсификации двустороннего сотрудничества. Объектами для анализа являются регионы КНР, к которым относятся провинции, города центрального подчинения (ГЦП) и автономные районы (АР). Границы регионов КНР в целом довольно устойчивы [4], и сегодня в Китае насчитывается 31 регион (22 провинции, 5 АР¹ и 4 ГЦП²).

ТОРГОВЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КНР С РОССИЕЙ

По данным таможенной статистики КНР, динамика китайско-российского товарооборота была весьма впечатляющей: с 2015 по 2022 г. он увеличился в 2,8 раза (с \$68 млрд до \$190,3 млрд), в то время как торговля Китая с глобальной экономикой выросла только в 1,6 раза (с \$3810 млрд до \$6187 млрд). В 2018–2022 гг. товарооборот Китая с Россией характеризовался отрицательным сальдо торгового баланса, а видимое сокращение двусторонней торговли во время пандемии *COVID-19* было зафиксировано только в 2020 г. (см. *график*).

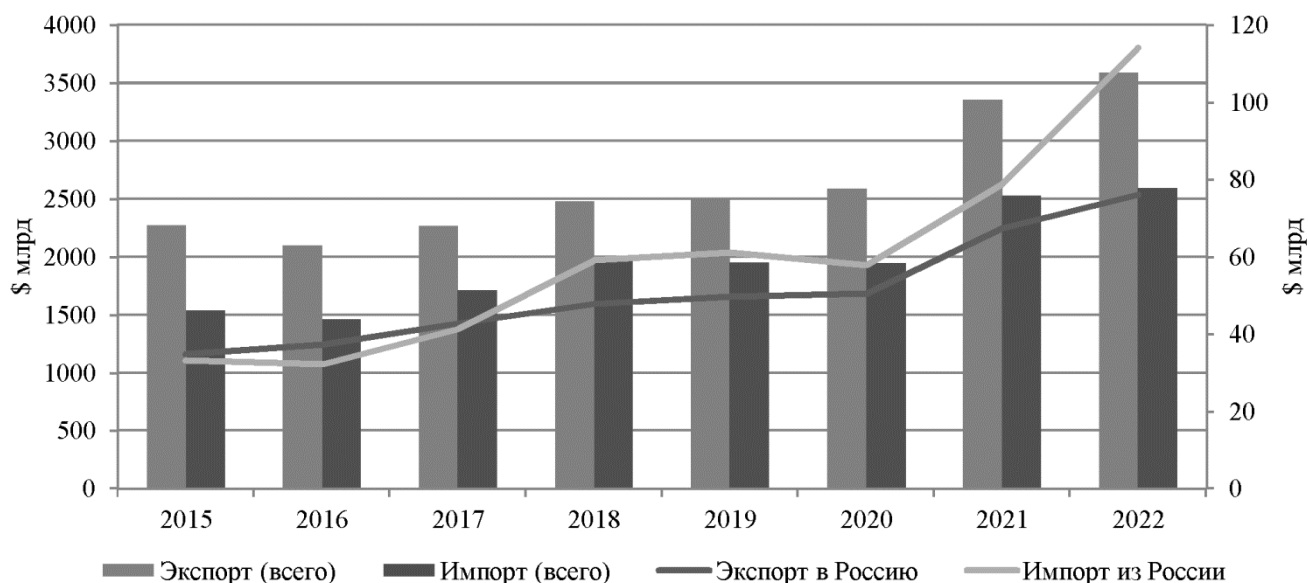

График. Торговля Китая с глобальным (левая ось) и российским (правая ось) рынками.

Graph. China's trade with the global market (left axis) and the Russian market (right axis).

Источник: <http://stats.customs.gov.cn/indexEn> (accessed 01.06.2023)

Доля России в товарообороте Китая с зарубежными странами увеличилась с 1,8% в 2015 г. до 3,1% в 2022 г. В результате по итогам 2022 г. Россия вошла в десятку крупнейших торговых партнеров КНР. Доля России в экспортных поставках Китая увеличилась с 1,8% в 2015 г. до 3,1% в 2022 г., в импортных потоках в КНР – с 2,2% до 4,4% соответственно.

¹ АР Внутренняя Монголия, Гуанси-Чжуанский АР, Тибетский АР, Нинся-Хуэйский АР, Синьцзян-Уйгурский АР.

² Города центрального подчинения (ГЦП) Китая: Пекин, Тяньцзинь, Шанхай и Чунцин.

Экспорт из Китая в Россию, в соответствии с данными таможенной статистики КНР, увеличился в 2,2 раза – с \$34,8 млрд в 2015 г. до \$76,1 млрд в 2022 г. Динамика двусторонней торговли указывает на смещение экспортных поставок из КНР на российский рынок в сторону потребительских и инвестиционных товаров с высокой добавленной стоимостью³. Ограничения, связанные с реализацией политики «нулевой терпимости» к *COVID-19* и санкции, примененные западными странами к России, способствовали еще большему усилению данной тенденции.

С одной стороны, барьеры, связанные с пандемией, в целом не затрудняли поставку различного рода машин и оборудования из КНР на российский рынок, с другой – в 2022 г. стали в некоторой степени возмещать поставки товаров из развитых стран в Россию. В 2020–2021 гг., во время действия жестких ограничений в КНР, связанных с пандемией, структура китайского экспорта в Россию была довольно стабильной.

Ослабление политики «нулевой терпимости» к *COVID-19* в КНР совпало с введением санкций против российской экономики в 2022 г. По сравнению с 2021 г. в 2022 г. наблюдалось увеличение доли следующих товарных групп китайского экспорта на российский рынок: транспортные средства (в 2022 г. доля России в экспорте данной товарной группы достигла 3,7%); продукция химической промышленности (2,8%); пластмассы, каучук, резина (3%); изделия из древесины, бумага (2,2%). Анализ показал, что перечисленные товарные группы китайского экспорта способствовали некоторому замещению в России соответствующей продукции из стран ЕС, а также частичному восполнению снизившегося выпуска товаров в России.

Что касается импорта из России в КНР, данный показатель на рассматриваемом временном промежутке увеличился в 3,4 раза – с \$33,3 млрд в 2015 г. до \$114,1 млрд в 2022 г. соответственно. Главным источником роста импорта из России в Китай являлись поставки сырьевых товаров, доля которых к 2022 г. стала подавляющей – более 90%. Следует заметить, что за последние три десятилетия Китай стал одним из главных потребителей сырой нефти в мире [5]. Доля России в общем импорте топливно-энергетических товаров в Китай увеличилась с 10,2% в 2015 г. до 16% в 2022 г. Нарастивание ввоза из России на китайский рынок этих товаров осуществлялось как с использованием нефтяной и газовой трубопроводной инфраструктуры («Восточная Сибирь – Тихий океан» (ВСТО) и «Сила Сибири»), так и за счет поставок нефти, нефтепродуктов и угля морским и железнодорожным транспортом, а также сжиженного природного газа (СПГ), получаемого по проектам «Ямал-СПГ» и «Сахалин-2» [6].

В связи с увеличением цен на энергоносители на мировом рынке и увеличением физических объемов российских поставок на китайский рынок стоимостной объем импорта топливно-энергетических товаров в КНР из России в 2022 г. увеличился в 1,6 раза по сравнению с 2021 г., достигнув \$85,4 млрд. Основную долю в данной товарной подгруппе по состоянию на 2022 г. занимали нефть и нефтепродукты – 73%. Несмотря на увеличение поставок в Китай, общая ситуация для России усложнялась введением потолка цен на российскую нефть со стороны западных стран и отказом транспортных компаний перевозить из российских портов данную продукцию, в т.ч. нефть марки *ESPO* с Дальнего Востока России, которая в конце 2022 г. торговалась выше \$70 за барр. [7]. В Китай за 2022 г. российские компании экспортировали нефть в среднем за \$81,9 за барр., что было выше цен российской нефти, поставляемой в страны ЕС (\$69,8 за барр.), Индию (\$64) и Турцию (\$68,9) [8]. Ценовой потолок не распространялся на трубопроводные поставки нефти, и с их учетом Россия поставляла 1,6–1,8 млн барр. в день в 2022 г. [9] по дальневосточному направлению на рынок АТР, в т.ч. в КНР.

Стоимостной объем закупок Китаем российского трубопроводного газа и СПГ в 2022 г. увеличился на \$6,5 млрд, или в 2,5 раза, по сравнению с 2021 г., что является рекордным показателем за все время поставок газа из России в КНР. Поставки по газопроводу «Сила Сибири» в Китай в 2022 г. достигли рекордных 15,5 млрд куб. м⁴. Помимо этого, поставки СПГ с Сахалина и Ямала также ориентировались на рынок КНР. В 2022 г. Китай нарастил поставки электроэнергии из России по причине начала восстановительного роста экономики в связи со смягчением антиковидных ограничений.

Китай – крупнейший производитель и потребитель угля в мире, дефицит которого активно компенсируется за счет импорта, в т.ч. из России. В 2022 г. из России в КНР было поставлено угля на \$12,2 млрд⁵,

³ Основной укрупненной товарной позицией экспорта КНР в Россию являлись машины, оборудование и механизмы, а также электротехническое оборудование, доля которых составляла 29,7% в 2015 г. и 39,7% в 2022 г. (прим. авт.).

⁴ <https://www.kommersant.ru/doc/5772587> (accessed 01.06.2023)

⁵ <http://stats.customs.gov.cn/indexEn> (accessed 01.06.2023)

что в 1,7 раза больше по сравнению с 2021 г., поскольку потоки этой продукции спешно перенаправлялись российскими компаниями с европейского рынка.

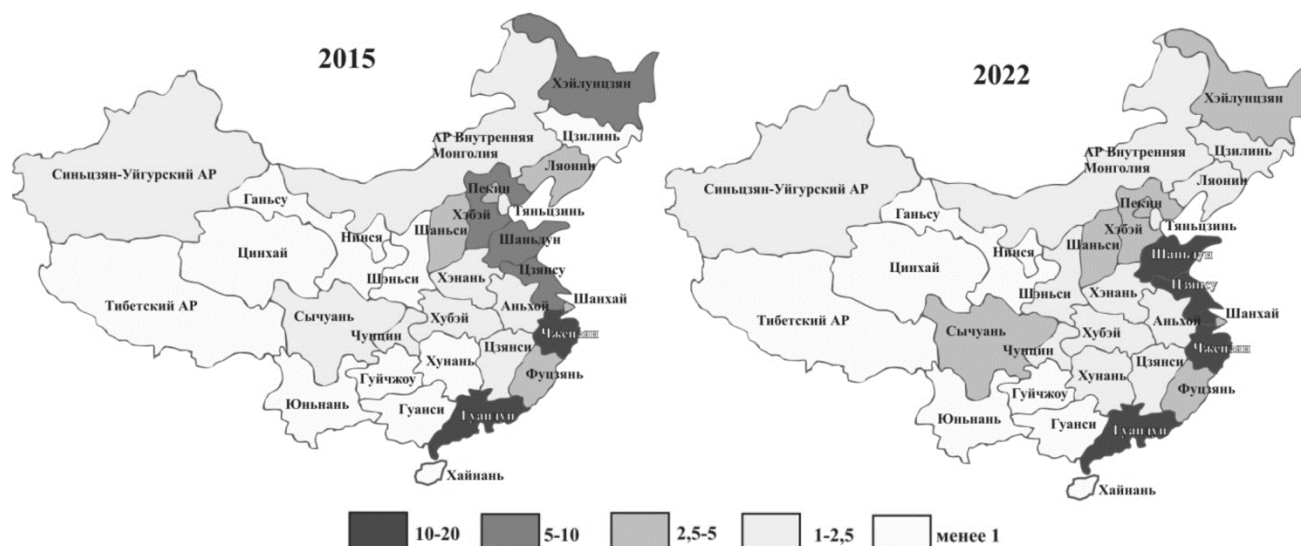
Также китайский рынок становится основным внешним рынком сбыта для рыбной отрасли Дальнего Востока России. Однако в период пандемии Китай часто закрывал свои порты для рыбной продукции⁶. По мере снятия таких ограничений стоимостные объемы поставок рыбной продукции в КНР из России стали возрастать, в частности, в 2022 г. по сравнению с 2021 г. они увеличились в 1,5 раза – до \$2,8 млрд.

В 2022 г. сократилась поставка из России в КНР минеральных продуктов, в основном включающих металлические руды, что, помимо снижения цен, связывалось с увеличением тарифов на перевозку данного вида грузов⁷. Иная ситуация сложилась с поставками древесины в КНР: в 2021 г. для стимулирования глубокой переработки леса в России была введена запретительная пошлина на вывоз необработанной древесины; сокращено число пунктов пропуска, через которые лес может быть вывезен в Китай⁸. В результате к 2022 г. экспорт товаров из древесины из России в КНР составил \$5,7 млрд, практически не изменившись к 2021 г.

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ РЕГИОНОВ КНР С РОССИЙСКИМ РЫНКОМ

Экспортные поставки в Россию из Китая главным образом осуществлялись из включенных в международные производственные связи приморских регионов КНР, продукция которых доставлялась до конечного потребителя преимущественно морскими маршрутами. Из 4 приморских провинций – Чжецзян, Гуандун, Цзянсу и Шаньдун – поступало более половины экспорта Китая в Россию (см. карту 1⁹), увеличившегося с \$18,1 млрд в 2015 г. до \$43,1 млрд в 2022 г., а основной рост поставок из них пришелся на время пандемии COVID-19.

В период жестких ограничений ительных мер во время пандемии – в 2020–2021 гг. – в КНР были созданы барьеры для перемещения товаров внутри страны, что снизило роль её регионов Северо-Востока [10] в китайском экспорте на российский рынок. Также в этот период были созданы барьеры для вывоза некоторых видов продукции из приграничных регионов Китая в Россию из-за соблюдения жестких карантинных мер. Это вызвало снижение их доли в экспорте Китая в Россию, которая не была восстановлена к 2022 г.

Карта 1. Распределение экспорта в Россию по регионам Китая в 2015 г. и в 2022 г., %.

Map 1. Distribution of exports to Russia by regions of China in 2015 and 2022, %.

Составлено по: <http://stats.customs.gov.cn/indexEn> (accessed 01.06.2023)

⁶ <https://www.kommersant.ru/doc/5240312> (accessed 01.06.2023)

⁷ <https://www.kommersant.ru/doc/5652422> (accessed 01.06.2023)

⁸ <https://roslesinforg.ru/news/in-the-media/6784/> (accessed 01.06.2023)

⁹ Расчеты проводились на основе данных таможенной статистики регионов КНР, не включающих реэкспорт и торговлю с международными организациями. Суммарный экспорт из регионов КНР в Россию равен 100% (прим. авт.).

Доля приграничных с Россией китайских регионов в суммарном экспорте КНР на российский рынок сократилась с 11,6% в 2015 г. до 7,7% в 2022 г. (Хэйлунцзян – \$2,6 млрд, Синьцзян-Уйгурский АР – \$1,6 млрд, Цзилинь – \$0,9 млрд, АР Внутренняя Монголия – \$0,8 млрд). Небольшая доля этих регионов объясняется их экспортом в основном в восточные регионы России, рынок которых невелик по сравнению с западной частью страны. Также стало заметно увеличение доли провинции Сычуань в экспорте КНР на российский рынок – с 1,6% в 2015 г. до 2,5% в 2022 г. Вероятно, с введением новых магистральных маршрутов и восстановлением после пандемии региональных экономик доля крупных внутренних провинций КНР (Сычуань, Чунцин, Хунань, Хубэй и Хэнань) в общем экспорте в Россию будет увеличиваться.

В 2015–2022 гг. товаропотоки из Китая на российский рынок формировались как из китайских регионов со сложившейся специализацией, так и из регионов, которые ранее были слабо связаны с российским рынком. Например, более 60% экспорта оборудования и механических устройств из Китая в Россию¹⁰ обеспечивали провинции Чжецзян (20% в 2015 г. и 18% в 2022 г.), Гуандун (15,1% и 18,0%), Цзянсу (17,2% и 14,1%) и Шаньдун (11,1% и 13,2% соответственно). Также более половины поставок электротехнического оборудования, бытовой и офисной техники из Китая¹¹ приходилось на Гуандун (37,5% в 2015 г. и 37,4% в 2022 г.), Чжецзян (14,1% и 13,7%) и Цзянсу (11,7% и 7% соответственно). При этом постепенно увеличивалась доля в поставках такой продукции на российский рынок из ГЦП Пекин – с 3% в 2015 г. до 7,4% в 2022 г.

За 2015–2022 гг. в экспорте автомобилей из КНР на российский рынок произошли заметные изменения. В 2015 г. более 60% экспорта автомобилей на наш рынок обеспечивали поставщики из провинций Чжецзян (16,4%), Гуандун (12,4%), Цзянсу (12,3%), Шаньдун (10,8%) и ГЦП Чунцин (11,9%). По сравнению с 2015 г. к 2022 г. экспорт автомобилей из Китая в Россию увеличился в 6 раз – до \$6,2 млрд, а региональная структура поставок стала более диверсифицированной. В 2022 г., помимо провинций Шаньдун (13,3% – доля в китайском экспорте автомобилей в Россию), Чжецзян (11,9%) и Хэбэй (10,3%), в число лидеров вошел Синьцзян-Уйгурский АР (9,6%), в котором формируется инфраструктура по сбыту автомобилей на рынке Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Также более половины экспорта в Россию шин для автомобильного транспорта как в 2015 г., так и в 2022 г. приходилось на провинцию Шаньдун, в которой сосредоточены производственные мощности по их выпуску общестранового масштаба.

Географическая структура экспорта в Россию продукции легкой промышленности была разнородной¹². К 2022 г. более половины экспорта предметов одежды в Россию обеспечивали приморские провинции Чжецзян (40,9%) и Фуцзянь (9,5%); чуть менее 90% поставок меха и изделий из него – внутренние провинции Хэбэй (50,9%) и Хубэй (37,1%); более 75% поставок обуви приходилось как на приморские, так и на внутренние провинции – Чжецзян (30,3%), Хэйлунцзян (12,9%), Фуцзянь (12,1%), Гуандун (12,0%), Сычуань (7,9%). По всей видимости, развитие легкой промышленности во внутренних регионах КНР будет отталкиваться от расширения внутреннего спроса, а также от экспорта, в т.ч. на российский рынок.

Неравенство между китайскими регионами по стоимостному объему поступающего импорта из России было более заметно. В 2015–2022 гг. свыше 60% российских поставок приходилось всего на три региона КНР: Хэйлунцзян, ГЦП Пекин и Шаньдун (см. карту 2).

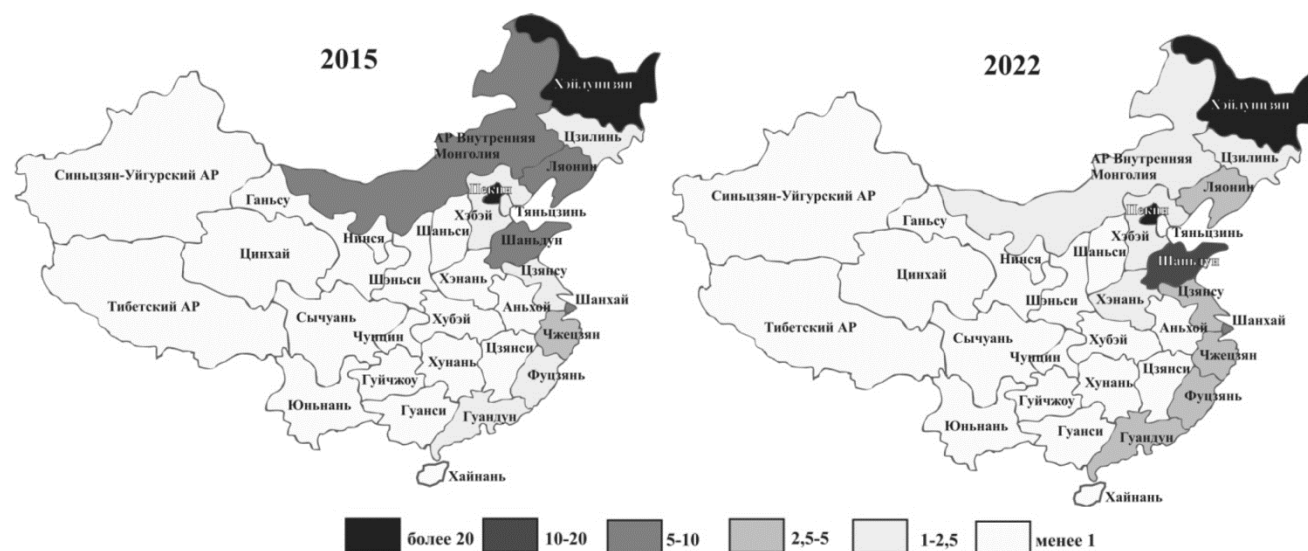
Следует заметить, что в ГЦП Пекин фиксировались результаты российско-китайских межгосударственных контрактов в нефтегазовой сфере. Провинция Хэйлунцзян традиционно позиционируется как «посредник» между рынком России и остальными регионами Китая, аккумулируя значительные объемы сырьевого импорта из приграничных российских регионов. При этом доли этих регионов в общем объеме импорта в КНР из России сократились: ГЦП Пекин – с 33% в 2015 г. до 22,4% в 2022 г.; Хэйлунцзян – с 25,5% до 22% соответственно. За последние годы провинция Шаньдун стала новым цен-

¹⁰ Всего экспорт оборудования и механических устройств из Китая в Россию составлял \$5,1 млрд в 2015 г. и \$16,7 млрд в 2022 г. (прим. авт.).

¹¹ Всего экспорт электротехнического оборудования, бытовой и офисной техники из Китая в Россию составлял \$5,2 млрд в 2015 г. и \$13,5 млрд в 2022 г. (прим. авт.).

¹² Всего экспорт продукции легкой промышленности из Китая в Россию составлял \$11,3 млрд в 2015 г. и \$9,8 млрд в 2022 г. (прим. авт.).

тром притяжения российского импорта, поступающего в Китай морским транспортом, доля которой в общем объеме импорта в КНР из России возросла с 7,3% в 2015 г. до 19,1% в 2022 г. С 2016 г., с наращиванием стоимостных объемов, стало происходить постепенное смещение импортных потоков из России в приморские регионы КНР (Чжецзян, Цзянсу, Фуцзянь, Гуандун), при этом роль АР Внутренняя Монголия и Ляонин как регионов некогда массового ввоза российской продукции, стала постепенно снижаться.

Карта 2. Распределение импорта из России по регионам Китая в 2015 г. и в 2022 г., %.
Map 2. Distribution of imports from Russia by regions of China in 2015 and 2022, %.

Составлено по: <http://stats.customs.gov.cn/indexEn> (accessed 01.06.2023)

В 2015–2022 гг. произошли определенные изменения в распределении потоков по основной категории импорта из России в КНР – топливно-энергетическим товарам (сырая нефть, природный газ и уголь). В 2015 г. более 75% этих товаров импортировалось в ГЦП Пекин и Хэйлунцзян. К 2022 г. их поступления на китайский рынок из России стали более дифференцированными по регионам КНР: Хэйлунцзян – 26,1%; ГЦП Пекин – 25,4%; Шаньдун – 22,2%; примерно по 3% – Ляонин, Фуцзянь, Гуандун, Цзянсу, Чжецзян.

По стоимостным объемам с большим отрывом от импорта топливно-энергетических товаров следовали недрагоценные металлы (главным образом цветные металлы), основная доля которых (медь, никель, алюминий) поставлялась в ГЦП Пекин и приморские регионы КНР, преимущественно в Шанхай, где эта продукция торговалась на бирже. По сравнению с цветными металлами продукцию черной металлургии Китай традиционно закупал в России в гораздо меньших объемах, однако в 2022 г. её поставки возросли, а основными покупателями выступали компании из приморских регионов КНР: Чжецзян, Цзянсу, Хэбэй, Фуцзянь.

Традиционно поставляемая из восточных регионов России на китайский рынок продукция – это древесина и лесоматериалы. Долгое время эти товары были ориентированы на приграничные китайские регионы, на которые в 2015 г. приходилась подавляющая доля импорта древесины из России: АР Внутренняя Монголия – 47%; Хэйлунцзян – 30,8%. Далее ситуация постепенно стала меняться. Ограничения, связанные с пандемией, а также создание барьеров в России для вывоза древесины способствовали заметному перемещению такого рода продукции в приморские регионы Китая. В итоге к 2022 г. провинция Хэйлунцзян аккумулировала 27,2% общего импорта российской древесины, АР Внутренняя Монголия – только 14,5%, а остальная часть была переориентирована на приморские провинции (Фуцзянь, Цзянсу, Шаньдун, Чжецзян), а также на ГЦП Пекин и Сычуань.

Импорт из России минеральных продуктов, представленных металлическими рудами, до пандемии поступал из российских дальневосточных регионов главным образом в приграничные регионы Китая – АР Внутренняя Монголия и Хэйлунцзян. На эти регионы КНР приходилось до 40% стоимо-

стного объема импорта данной продукции из России на китайский рынок. В 2020–2022 гг. в связи с ограничениями на ряде пунктов пропуска поставки металлических руд из России в Китай стали более диверсифицированными между регионами КНР, поскольку стали поступать в ГЦП Шанхай, Шаньдун, Хэнань и Ганьсу.

Также наблюдалась некоторая диверсификация импорта рыбы и морепродуктов из России в регионы КНР. В 2015 г. их поставки из России осуществлялись в Шаньдун (55,5%) и Ляонин (40,1%). Далее благодаря созданию нового транспортного коридора Приморье-2, связавшего порты юга Приморского края России с рынком КНР, российская рыбная продукция стала поступать в Цзилинь. К 2022 г. импорт рыбы и морепродуктов из России в КНР был направлен преимущественно в три провинции: Шаньдун (41,1%), Цзилинь (23,8%) и Ляонин (23,6%). Остальная часть импорта из России в КНР поступала в приморские регионы Китая, такие как ГЦП Шанхай и Фуцзянь.

НАПРАВЛЕНИЯ ИНТЕНСИФИКАЦИИ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ РОССИИ С КНР

В 2015–2022 гг. поставки товаров из Китая на российский рынок осуществлялись преимущественно из приморских регионов КНР, являющихся мировым «сборочным цехом». Тем не менее в ближайшей перспективе вполне возможна трансформация экспортных потоков из КНР в Россию в условиях санкций западных стран, примененных к российской экономике, и отказа в Китае от политики «нулевой терпимости» к *COVID-19*.

Во-первых, это наращивание поставок на российский рынок товаров, ориентированных изначально на внутренний рынок Китая. Ввиду нарастания угроз применения вторичных санкций для китайских компаний, интегрированных в международные производственные цепочки, а также улучшения качественных характеристик собственно китайских брендов, текущие преимущества в поставках на российский рынок может получить продукция отечественного сектора экономики КНР, в т.ч. выпускаемая в Китае компаниями регионального уровня. По всей видимости, китайские компании такого уровня будут стремиться занять места на российском рынке, освобождающиеся в связи с уходом западных компаний из России.

Во-вторых, по мере снятия различных ограничений импульс в расширении поставок в Россию способны получить приграничные регионы Китая, имеющие доступ к двусторонней сухопутной транспортной инфраструктуре. При прочих равных условиях ввоз товаров из Китая в Россию интенсифицируется по имеющимся сухопутным транспортным коридорам, способствуя росту посреднических услуг регионов КНР, граничащих с Россией. Для бесперебойного производственного процесса в приграничных регионах Китая могут быть расширены логистические центры для снабжения предприятий на территории России необходимыми материалами и комплектующими.

В-третьих, Россия испытывает дефицит пропускной способности транспорта на Дальнем Востоке ввиду повышения спроса в европейских регионах на товары из КНР [11]. Для расширения торговли необходимо снижение тарифных барьеров для китайских товаров, поставляемых на российский рынок. Нельзя исключать создание между ЕАЭС, в который входит Россия, и Китаем преференциального торгового соглашения. Существующие тенденции политического и экономического сближения России и Китая, особенно в условиях текущего режима санкций со стороны западных стран в отношении России, а также политических противоречий между США и КНР, позволяют предположить, что в перспективе создание интеграционного формата между Россией и Китаем становится все более вероятным. Причем при его создании для российской стороны имеются экономические основания [12] ожидать возникновения положительных эффектов.

С другой стороны, Китай постепенно становится ведущим импортером российских сырьевых товаров. Очевидно, что в ближайшей перспективе роль Китая для России как одного из главных рынков их сбыта будет возрастать. Помимо наращивания объемов поставок сырьевых товаров из России в КНР, российскими поставщиками прорабатываются новые маршруты для сбыта товаров в Китае. Их поставки на китайский рынок при прочих равных условиях будут определяться некоторыми процессами.

Во-первых, стратегия расширения поставок традиционных и новых товарных групп на китайский рынок. Поставка топливных и энергетических товаров из России на китайский рынок будет продолжена в рамках «Восточного вектора» российской энергетической политики [13], долгосрочной целью ко-

торой является активизация взаимодействия России со странами АТР, в первую очередь с КНР. По мере снятия фитосанитарных ограничений на поставку в Китай зерна, а также снижения вывозных пошлин в России, возможно расширение поставок российских зерновых культур на китайский рынок в рамках формирующегося «сухопутного зернового коридора Россия–Китай»¹³. Также возможным способом для увеличения российских поставок на китайский рынок может послужить расширение пропускной способности транспортной инфраструктуры Дальнего Востока России в рамках «Восточного полигона» российских железных дорог и модернизации дальневосточных портов.

Во-вторых, более масштабное освоение внутреннего рынка КНР российским бизнесом. Поскольку основной вектор интенсификации экономических взаимодействий России смещается в пользу КНР, российские компании, по всей видимости, будут прилагать усилия для достижения широкомасштабного доступа на китайский рынок, который имеет сложную пространственную конфигурацию. Ограничения, связанные с пандемией *COVID-19*, а далее – с санкциями по отношению к российской экономике с 2022 г., способствовали диверсификации поставок некоторых российских сырьевых товаров на китайский рынок, в частности, в приморские регионы КНР, характеризующиеся самым высоким в Китае среднедушевым доходом, в которых импортная продукция может продаваться по более высоким ценам по сравнению с другими китайскими региональными рынками.

Доступ российских товаров с высокой добавленной стоимостью на китайский рынок ограничен как многочисленными барьерами, так и высокой конкуренцией со стороны местных производителей. Также существует жесткая привязка трубопроводной и железнодорожной инфраструктуры России к приграничным регионам КНР, а ввоз в Китай российского углеводородного сырья осуществляется преимущественно в рамках долгосрочных контрактов, что сдерживает диверсификацию таких поставок на китайском рынке.

По мере нарастания поставок из России в Китай может быть запущен долгосрочный процесс частичного перенаправления сырьевых товаров из России в развитые китайские приморские регионы. Вероятно, снижение различного рода барьеров будет способствовать увеличению поставок из России на китайский рынок, диверсифицируя их между регионами КНР и снижая эффект от монополии со стороны бизнеса ряда китайских регионов. При этом следует учитывать, что, помимо привязки к собственному рынку, Китай способен также применять различного рода ограничения для импортных товаров, исходя из внутренних политических мотивов и собственной трактовки экономической безопасности. С этой точки зрения российский бизнес должен соизмерять возможные риски по проникновению на китайский рынок, который становится для России всё более значимым.

В-третьих, при прочих равных условиях китайские компании будут постепенно использовать механизмы доступа к сырьевым ресурсам России, а также поощрять переключение логистики поставок российских сырьевых товаров с глобального рынка на китайский. Несмотря на замораживание Китаем некоторых прямых инвестиций в России в 2022 г., например, в рамках проектов инициативы «Один пояс – один путь», в случае обоюдных договоренностей в экономику России может быть направлен капитал из КНР, а также увеличено кредитование российского и совместного с китайским корпоративного сектора. В частности, на заседании межправительственной комиссии по инвестиционному сотрудничеству представители России и Китая договорились о выделении \$1,3 млрд на новые проекты на российской территории, а за первые 8 месяцев 2022 г. инвестиции из КНР в Россию составили \$0,45 млрд, увеличившись на 150% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года¹⁴.

В-четвертых, в условиях ограничений внешних расчетов России в долларах и евро расчеты в китайских юанях объективно становятся одним из важных инструментов для функционирования внешней торговли и привлечения зарубежного финансирования российской экономики. Ситуацию осложняет то обстоятельство, что российский экспорт в основном представляет собой сырьевые товары, расчеты по которым на мировом рынке ведутся в основном в долларах и евро.

Изоляция российской экономики от расчетов в долларах и евро в рамках текущего введения жестких пакетов санкций против России способна негативно отразиться на масштабах и структуре международных расчетов страны, порождая значительную неопределенность как для дальнейшего взаимодействия страны с глобальными рынками, так и для функционирования национальной экономики в целом.

¹³ <https://www.kommersant.ru/doc/5978339> (accessed 01.06.2023)

¹⁴ <https://www.kommersant.ru/doc/5652855> (accessed 01.06.2023)

При прочих равных условиях это обстоятельство будет способствовать дальнейшей привязке внешних расчетов России к китайской валюте, которая не является свободно конвертируемой. Уже к 2022 г. две трети расчетов между странами осуществлялись в национальных валютах¹⁵. Возможно, платежи будут всё больше осуществляться через китайскую информационную систему *CIPS*, которая заметно уступает по оборотам и охвату финансовых учреждений системе *SWIFT* и в большинстве случаев использует возможности данной глобальной системы [14]. Это обстоятельство дает основание предполагать, что дедолларизация российско-китайской торговли будет происходить и далее.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За последние десятилетия Китай сравнительно быстро занял ведущее место среди торговых партнеров России. В условиях жесткой санкционной политики западных стран в отношении российской экономики Китай становится для России одним из основных рынков сбыта ряда товарных групп, которые ранее поступали на европейский рынок. Экономика Китая и России функционируют в целом на основе рыночных принципов и широкой интеграции в глобальную экономику. Данное обстоятельство позволяет бизнесу как России, так и Китая в текущих условиях оперативно наращивать торговые взаимодействия, обходить возникающие внешние и внутренние барьеры для сохранения, укрепления и диверсификации экономических взаимосвязей.

Экспорт из КНР в Россию преимущественно состоит из продукции, производимой в рамках кластерных структур, расположенных в приморских регионах Китая. Шок, связанный с пандемией *COVID-19*, закрепил тенденцию экспорта на российский рынок из нескольких приморских регионов КНР. В свою очередь, основной задачей для увеличения товарной диверсификации поставок из России в КНР является максимально активное присутствие на внутреннем рынке Китая российского бизнеса с точки зрения преодоления всевозможных барьеров межпровинциальных взаимодействий. В этом случае положительные эффекты от сближения экономики России с Китаем могут возрасти.

Снижение барьеров торгово-экономических взаимодействий Дальнего Востока России с рынками близлежащих китайских провинций может увеличить интенсивность взаимной торговли, способствуя проявлению положительных эффектов для российской экономики в целом.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. К Великому океану: хроника поворота на Восток. Сборник докладов Валдайского клуба. М.: Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2019. 352 с.
To the Great Ocean: a chronicle of the turn to the East. Collection of reports of the Valdai Club. Moscow: Fund for Development and Support of the Valdai International Discussion Club, 2019. 352 p. (In Russ.)
2. Караганов С.А., Макаров И.А. Поворот на Восток: итоги и задачи. *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2015. № 5. С. 6–10.
Karaganov S.A., Makarov I.A. 2015. Turn to the East: results and tasks. *Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities*. № 5. Pp. 6–10. (In Russ.)
3. Korolev A. Russia's Reorientation to Asia: Causes and Strategic Implications. *Pacific Affairs*. 2016. Vol. 89. Issue 1. Pp. 53–73.
4. Sng T.H., Chia P.Z., Feng C.-C., Wang Y.-C. Are China's provincial boundaries misaligned? *Applied Geography*. 2018. Vol. 98. Pp. 52–65. DOI: 10.1016/j.apgeog.2018.07.009.
5. Wang W., Fan L.W., Zhou P. Evolution of global fossil fuel trade dependencies. *Energy*. 2022. Vol. 238, 121924. DOI: 10.1016/j.energy.2021.121924/.
6. Мандрыкина И. «На восток с любовью»: «Газпром» запускает «Силу Сибири», «Транснефть» расширяет ВСТО. *Энергетическая политика*. 2019. № 4. С. 66–77.
Mandrykina I. 2019. "To the East with Love": Gazprom launches Power of Siberia, Transneft expands ESPO. *Energy Policy*. Issue 4. Pp. 66–77. (In Russ.)
7. Cheong S., Lee J., Cho S. Oil Tanker Owners Show Signs of Shunning Russia's Asian Crude. Bloomberg. 15.12.2022. <https://bloomberg.com/news/articles/2022-12-15/russia-s-asian-oil-flows-show-signs-of-wobbling-after-sanctions?sref=87YKYqA9> (accessed 01.06.2023)

¹⁵ <https://www.kommersant.ru/doc/6000579> (accessed 01.06.2023)

8. Babina T., Hilgenstock B., Itskhoki O., Mironov M., Ribakova E. Assessing the Impact of International Sanctions on Russian Oil Exports (February 23, 2023). DOI: 10.2139/ssrn.4366337 (accessed 01.06.2023)
9. Vakulenko S. The Cap of Smoke and Mirrors. 20 January 2023. On Energy, Cabbages and Kings. https://svakulenko.substack.com/p/the-cap-of-smoke-and-mirrors?fbclid=IwAR3oHn3BAAtHEySDR9119jgKrS4oWq_2gCQNLb9cIHjmeZ2afoY7O-t9F4k (accessed 01.06.2023)
10. Li Y., Zhang P., Lo K., Tan J., Yang Q. Borderland Economic Resilience under COVID-19: Evidence from China-Russia Border Regions. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022. Vol. 19, 13042. DOI: 10.3390/ijerph192013042.
11. Вардомский Л.Б. Российско-китайские экономические связи в условиях растущей международной напряженности. *Журнал новой экономической ассоциации*. 2023. № 1(58). С. 142–148. DOI: 10.31737/22212264_2023_1_142.
Vardomsky L.B. 2023. Russian-Chinese economic links in the context of growing international tensions. *Journal of the New Economic Association*. Issue 1. Pp. 142–148. (In Russ.). DOI: 10.31737/22212264_2023_1_142.
12. Melchior A. Russia in world trade: Between globalism and regionalism. *Russian Journal of Economics*. 2019. Vol. 5. Pp. 354–384. DOI: 10.32609/j.ruje.5.49345.
13. Восточный вектор энергетической стратегии России: современное состояние взгляд в будущее. Под ред. Н.И. Воропая, Б.Г. Санеева. Новосибирск: Гео, 2011. 368 с.
Eastern vector of Russia's energy strategy: the current state of view into the future. Ed. by N.I. Voropay, B.G. Saneeva. Novosibirsk: Geo, 2011. 368 p. (In Russ.)
14. Nölke A. Geoeconomic Infrastructures: Building Chinese-Russian alternatives to SWIFT. *Capital Claims: Power and Global Finance*. Routledge, 2022. <https://www.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.4324/9781003218487-10/geoeconomic-infrastructures-andreas-n%C3%B6lke> (accessed 01.06.2023)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Изотов Дмитрий Александрович, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник отдела региональных моделей, прогнозирования и внешнеэкономических взаимодействий, Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия.

Dmitry A. Izotov, Dr.Sc. (Economics), Leading Researcher, Department of Regional Models, Forecasting and Foreign Economic Relations, Economic Research Institute, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 26.06.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 11.07.2023

Принята к публикации
(Accepted) 15.09.2023